

ЗАМѢТКИ

ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ О «РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНѢ 1808—1809 ГГ.»

(Продолженіе ¹⁾).

Къ исторіи объ «экспертѣ» — Сиренгпортенѣ принадлежитъ весьма любопытная страничка о дѣятельности его въ арміи. Въ виду того, что подробности объ «экспертизахъ» изслѣдованы до мелочей покойнымъ К. Ф. Ординымъ (см. Поколеніе Финляндіи, т. II, стр. 12 и слѣд., стр. 23 и слѣд.), то мы остановимся лишь на одномъ фактѣ, по нашему мнѣнію, очень сомнительной достовѣрности и безусловно требующемъ проверки.

Фактъ этотъ, вопреки показаніямъ историковъ, назовемъ — *попыткою Сиренгпортена заставить графа Буксгевдена раздѣлить съ нимъ власть главнокомандующаго.*

К. Ф. Ординъ, на основаніи данныхъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ, удостовѣрилъ, что Высочайшее повелѣніе о томъ, что Сиренгпортенъ назначенъ «*состоять подъ командою*» графа Буксгевдена и «*исполнять въ точности приказанія*», черезъ недѣлю (т. е. 5-е февраля) будто бы было разъяснено новымъ Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ опредѣленно указывалось, что Сиренгпортенъ назначенъ «*въ помощь*» графу Буксгевдену —

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 6.

«для содѣйствія его операціямъ соотвами по дѣламъ дипломатическимъ (см. Покореніе Финляндіи, т. II, стр. 15)»... Мало того, К. Ф. Ординъ, подчеркивая различіе между «состояніемъ въ командѣ» и «помощью и содѣйствіемъ», категорически утверждаетъ, что «о новомъ рескриптѣ Буксгевденъ не былъ извѣщенъ и узналъ только объ этомъ впоследствии отъ самого Спренгпортена».

Послѣдующіе историки, повторяя эти свѣдѣнія по Ордину, считаютъ ихъ неиреложными, несмотря на то, что даже сбивчивая хронологія событій невольно обращаетъ на себя вниманіе, не говоря уже объ остальныхъ неясностяхъ.

Прежде всего нѣсколько странно то обстоятельство, что всѣ первоначальныя распоряженія о назначеніи Спренгпортена въ армию, пачиная съ выдачи подъемныхъ въ 5,000 руб. и кончая Высочайшимъ рескриптомъ 28-го января — «состоять въ командѣ» графа Аракчеева (см. «Военн. Сборн.» № 6, стр. 101), а затѣмъ, вдругъ все устройство «щекотливаго вопроса» о положеніи Спренгпортена въ армию переходить въ вѣдомство министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцова, который такъ дипломатически составляетъ новый Высочайшій рескриптъ, что о существованіи повелѣнія «состоять подъ командою» можно и не подозревать.

Если мы признаемъ, что страннаго въ этомъ нѣтъ ничего, потому что Спренгпортенъ заблагоразсудилъ заняться дипломатическою частью, а слѣдовательно естественно, что распоряженія должны были послѣдовать черезъ графа Румянцова, то все таки невольно приходится останавливаться предъ забытымъ вопросомъ: *неужели же графъ Аракчеевъ*, въ рукахъ котораго была сосредоточена *«вся переписка»*, въ полной неприкосновенности сохранявшаяся (см. въ арх. канц. военн. мн., секр. отд., 1808 г., дѣло № 3/79, въ которомъ сосредоточены основные документы) и до настоящаго времени, — *не былъ посвященъ въ эту дипломатическую тайну?* Повидному, отъ него какъ будто скрыли все, относящееся до новаго назначенія Спренгпортена, такъ какъ объ этомъ никакихъ данныхъ въ названномъ дѣлѣ не встрѣчается.

Однако, подобное заключеніе не можетъ не вызвать сомнѣнія, потому что графъ Аракчеевъ, сыгравшій въ войнѣ 1808—1809 гг. первостепенную роль, пользовался такимъ довѣріемъ Императора Александра I, что врядъ ли представлялось нужнымъ прибѣгать къ дипломатическимъ секретамъ, да еще по такому далекому чрезвычайной важности вопросу.

Допустивъ, что графъ Аракчеевъ не долженъ былъ знать о «тайномъ» назначеніи Спренгпортена, мы невольно остановимся въ недоумѣніи предъ такимъ фактомъ: *въ одинъ и тотъ же день*, 5-го февраля 1808 г., по вѣдомству графа Аракчеева воспослѣдовать Высочайшій рескриптъ о назначеніи Спренгпортену столовыхъ — 6,000 рубл. въ годъ (см. въ названномъ дѣлѣ № 3/79, л. 171), а по вѣдомству графа Румянцова — Высочайшій рескриптъ о назначеніи Спренгпортена не въ «команду» графа Буксгевдена, а всего лишь «въ помощъ и для содѣйствія по дипломатической части, причѣмъ такая срочная работа по двумъ вѣдомствамъ была вызвана, вѣроятно, тѣмъ, что Спренгпортенъ торопился отбыть въ армию, къ которой онъ и отправился въ тотъ же день 5-го февраля (см. Покореніе Финляндіи т. II, стр. 24).

По нашему мнѣнію, въ вопросѣ о секретномъ рескриптѣ 5-го февраля сокрыто какое то недоразумѣніе, имѣющее, однако, весьма важное значеніе для правильной оцѣнки дѣйствій главнокомандующаго, стѣсненнаго такъ называемымъ «экспертомъ».

Если обратить вниманіе на «секреты» рескрипта 5-го февраля, то оказывается: 1) К. Ф. Ординъ, повидному, имѣлъ дѣло лишь съ проектомъ рескрипта, который хотя и былъ Высочайше *апробованъ*, но *неизвѣстно когда*, по крайней мѣрѣ эта дата не указана (см. тамъ-же, стр. 15); 2) дата — подписанія рескрипта и врученіе его Спренгпортену — 5-го февраля приведена, но ссылками не подтверждена (см. тамъ-же, стр. 15 и 24); 3) Спренгпортенъ при личномъ свиданіи съ графомъ Буксгевденомъ словно стыдится показать ему *подлинный* рескриптъ, а посылаетъ впоследствии подъ удобнымъ предлогомъ почему-то *копію* (см. тамъ-же, стр. 25), удостоверенную, конечно, можетъ быть и своею подписью.

Все это, въ связи съ забывчивостью графа Румянцова сообщить копію съ рескрипта 5-го февраля графу Аракчееву и главнокомандующему, заставляетъ *предположить*, что дѣло тутъ не обошлось безъ своеобразной «экспертизы», главнымъ участникомъ которой могъ быть самъ Спренгпортенъ, желавшій ввести въ заблужденіе графа Буксгевдена. Развѣ не любопытенъ образъ дѣйствій послѣдняго? Спренгпортенъ сообщаетъ графу Буксгевдену *Высочайшее повелѣніе* о своемъ назначеніи къ нему «въ помощъ и для содѣйствія совѣтами» по дипломатической части, а въ отвѣтъ — главнокомандующій шлетъ ему любезное письмо... съ приложеніемъ копіи Высочайшаго повелѣнія — *«состоять подъ командою и въ точности исполнять приказанія»*. Не показываетъ ли это, что графъ

Буксгевденъ, не повѣривъ Спренгпортеповскому сообщенію, указалъ «совѣтнику» настоящее мѣсто? Думается, что если отрицать этотъ фактъ, то слѣдуетъ логически придти къ заключенію, что графъ Буксгевденъ *умышленно не пожелалъ исполнить Высочайшаго повелѣнія.*

При наличіи и приведенныхъ выше данныхъ, мы невольно подошли къ вопросу: да *существовалъ ли дѣйствительно рескриптъ 5-го февраля* или же онъ продолжалъ оставаться въ области проектовъ, но копию съ котораго, на всякій случай, имѣлъ Спренгпортевъ?

Принимая во вниманіе странное совпаденіе событій 5-го февраля (назначеніе столовыхъ, осуществленіе домогательства Спренгпортена быть при графѣ Буксгевденѣ въ роли «совѣтника» и отъѣздъ въ армію), тайнственное обращеніе съ рескриптомъ и предвѣріе графа Буксгевдена къ присланной копіи съ послѣдняго, мы склонны допустить, что такъ называемый *рескриптъ 5-го февраля* *могъ и остаться лишь въ области проектовъ.* Предположеніе это не покажется невѣроятнымъ, если мы припомнимъ, что важныхъ датъ о рескриптѣ (время составленія проекта и утвержденія его, а главное—время врученія Спренгпортову), подтвержденныхъ архивными ссылками, не имѣется, а между тѣмъ эти историческіе пропуски и послужили основаніемъ для созданія легенды о томъ, что Императоръ Александръ I *въ теченіе одной недели* будто бы санкціонировалъ два рескрипта, по смыслу своему исключаящихъ другъ друга.

По непонятнымъ причинамъ К. Ф. Ординъ, отдавая предпочтеніе рескрипту 5-го февраля о назначеніи Спренгпортена «совѣтникомъ», не приводитъ текста рескрипта (таковой приведенъ нами въ «Воен. Сборн.» № 6 на стр. 102) о назначеніи того-же Спренгпортена *«состоять подъ командою»* графа Буксгевдена (см. «Покореніе Финляндіи», т. II, стр. 13), причемъ указываетъ цѣлый рядъ не вполне точныхъ датъ (тамъ же, стр. 12, 13, 14), комбинируя на послѣднихъ правдоподобное разъясненіе документовъ, относящихся къ періоду 26—29 января.

Не считая нужнымъ приводить ссылки, помѣщенныхъ въ нашей предыдущей статьѣ (см. «Воен. Сборн.» № 6, стр. 101), мы ограничимся лишь указаніемъ важнѣйшихъ источниковъ. Указъ о назначеніи Спренгпортову 5,000 руб. на подъемъ состоялся *не 26-го, а 28-го января*, о чемъ графъ Аракчеевъ извѣстилъ его на другой день. Высочайшій рескриптъ о назначеніи Спренгпортена *подъ*

команду графа Буксгевдена состоялся *не 29-го, а 28-го января*, при этомъ главнокомандующаго извѣстили дѣйствительно лишь 29-го числа.

Хотя такое несходство датъ и можетъ показаться несущественнымъ, по оно въ дѣйствительности имѣетъ серьезное значеніе для правильнаго разрѣшенія вопроса о дѣйствительности рескрипта 5-го февраля.

Судя по приводимой К. Ф. Ординымъ перепискѣ, Спренгпортевъ, какъ бы очаровавъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Румянцева, принялъ всѣ мѣры къ тому, дабы во что бы то ни стало добиться назначенія *руководителемъ* дѣйствій главнокомандующаго.

Неожиданное для Спренгпортена разрѣшеніе финансовой стороны вопроса объ отправленіи къ арміи (28-го января государственный казначей сообщилъ, что повелѣно отпустить только 5,000 рублей), вынудило Спренгпортена послѣднимъ обратиться къ содѣйствію графа Румянцева съ просьбой исходатайствовать кое-что *«на возможность имѣть приличную представительность»*, причемъ опредѣленно указывалось на столовые деньги. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ же сообщилъ графу Румянцеву, что *«необходимо (получить) повелѣніе непосредственно отъ Его Величества» относительно «предстоящихъ обязанностей, какъ въ отношеніи къ военнымъ дѣйствіямъ, такъ и къ жителямъ страны»*, при этомъ Спренгпортевъ ставилъ требованіемъ сформированіе штаба и... *личный докладъ Государю.*

Казалось бы, что дѣло прочно налажено и что всѣ мечты Спренгпортена близки къ осуществленію. Однако, сообщеніе 29-го января и изъ вѣдомства графа Аракчеева о томъ, что разрѣшено выдать только 5,000 рублей на подъемъ, нѣсколько разрушаетъ планы Спренгпортена, утратившаго сразу же надежду на столовые деньги. Вотъ почему онъ и рѣшилъ благородно провести графа Румянцева, срочно послать ему извѣщеніе, что просить *«о столовыхъ деньгахъ не упоминать»*, такъ какъ она навлекутъ «тѣнь подозрѣнія»: «дѣло идетъ о службѣ Государю и Отечеству», а онъ молъ «такъ далеко отъ личнаго интереса». Конечно, Спренгпортевъ *скрылъ отъ графа Румянцева*, что въ тотъ же день было послано просительное письмо къ графу Аракчееву (приведено въ «Воен. Сборн.» № 6, стр. 101), которому онъ выразительно намекалъ, что «съ чувствительнѣйшею благодарностію приметъ и означенную сумму», вслѣдъ за назначеніемъ «должности» въ армію.

Графъ Аракчеевъ, какъ извѣстно, не безъ вниманія отнесся къ атому намеку, приказавъ докладчику на письмѣ Спренгпортена записать такую резолюцію: «данъ будетъ особый указъ вмѣсто прожняго» (въ дѣлѣ № 3/79, л. 127). По наведеніи нужныхъ справокъ, столовыя деньги, 6,000 рублей какъ мы уже говорили, Спренгпортену были назначены 5-го февраля.

Если Спренгпортену благополучно удалось заполучить «на приличную представительность», то въ болѣе важномъ дѣлѣ онъ потерпѣлъ полнѣйшую поудачу. Всѣ мечты его быть руководителемъ графа Буксгевдена были разбиты съ полученіемъ отъ графа Аракчеева рескрипта 28-го января о назначеніи «состоять подъ командою». Только теперь Спренгпортенъ разобралъ, что по вѣдомству графа Аракчеева съ нимъ разговоры покончены и всякія домогательства будутъ тщетны.

Несмотря на это, Спренгпортенъ рѣшилъ поправить дѣло, убѣдивъ въ свою пользу графа Румянцева, на котораго онъ и сталъ налегать своими «назойливыми требованіями». Извѣстно его письмо (см. «Покореніе Финляндіи», т. II, стр. 14), въ которомъ доказывается и «старшинство по службѣ», и необходимость «своего круга дѣятельности (мѣры, относящіяся къ жителямъ)», и важность его «вліянія на событія» и т. п., причемъ все сводится къ одному: Спренгпортену «нельзя служить подъ начальствомъ» графа Буксгевдена и «для пользы службы» слѣдуетъ предоставить самостоятельность «въ своемъ кругу дѣятельности».

Въ даншомъ случаѣ, *скрывая домогательства отъ графа Аракчеева*, Спренгпортенъ почти добился своего: графъ Румянцевъ сталъ его проводить въ совѣтники и помощники по дипломатической части, что и выразилось въ составленіи проекта новаго рескрипта, въ которомъ слишкомъ по-Спренгпортеовски отграничены предѣлы власти главнокомандующаго. Последнее даетъ поводъ предполагать, что составленіе текста рескрипта врядъ-ли обошлось безъ участія самаго Спренгпортена, которому не удалось довести дѣло до желаннаго конца. На послѣднее опредѣленно указываютъ тѣ «секреты» о датахъ, о которыхъ упоминалось выше.

Въ такомъ видѣ представляются намъ обстоятельства, при которыхъ Спренгпортенъ, сносившійся секретно одновременно съ двумя графами (Аракчеевымъ и Румянцевымъ), старался провести ихъ и во что бы то ни стало достигнуть той «должности» въ арміи, къ которой онъ заранѣе самъ себя предназначилъ.

Прибывъ въ армію, Спренгпортенъ при первомъ же удобномъ случаѣ попытался использовать довѣренность графа Буксгевдена, пустивъ въ оборотъ копію съ проекта рескрипта. Попытка, какъ упоминалось рашѣе, завершилась неудачею, но за то отношенія съ главнокомандующимъ сразу же обострились. Думается, что предъявленіе Спренгпортеомъ графу Буксгевдену *подлиннаго рескрипта* рѣзко измѣнило бы ихъ взаимныя отношенія, устранивъ всякія подозрѣнія. Однако, Спренгпортенъ почему-то избѣгаетъ такого убѣдительнаго способа воздѣйствія на главнокомандующаго, а все время старается добиться вліятельнаго указанія изъ С.-Петербурга, уповаю, что оттуда «опредѣлятъ демаркаціонную линію *относительныхъ правъ*» (см. «Покореніе Финляндіи», т. II, стр. 45).

Нельзя не поразиться тѣмъ фактомъ, что графъ Буксгевденъ въ періодъ мѣсячнаго пребыванія Спренгпортена въ арміи не попытался сообщить графу Аракчееву о томъ, что къ нему прибылъ не подчиненный, а «совѣтникъ» и руководитель, имѣющій къ тому же особый Высочайшій рескриптъ. Это сообщеніе, вѣроятно, оказалось бы болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для обузданія развязности Спренгпортена, нежели тѣ слабыя отписыванія, которыми онъ старался оградить свободу дѣйствій главнокомандующаго.

Наконецъ, постоянныя вмѣшательства Спренгпортена, умышленно раздувавшаго свою дѣятельность, превзошли всякія предѣлы терпимости, что и побудило графа Буксгевдена просить, дабы онъ «*съ сей стороны былъ развязанъ*». Просьба главнокомандующаго была уважена: Спренгпортена отозвали въ С.-Петербургъ, что и упразднило дѣйствительность такъ называемаго рескрипта 5-го февраля.

Въ общемъ, мы видимъ, что обстановка, при которой зарождался проектъ рескрипта о назначеніи Спренгпортена не въ команду а въ помощь и для содѣйствія главнокомандующему, историками далеко не выяснена. Если же Спренгпортенъ, будучи подчиненнымъ, въ арміи попытался разыграть роль руководителя, то это объясняется, по нашему мнѣнію, съ одной стороны попустительствомъ главнокомандующаго, а съ другой—вліяніемъ С.-Петербурга, гдѣ самозванный совѣтникъ встрѣчалъ поддержку. Нежеланіе Спренгпортена предъявить графу Буксгевдену подлинный рескриптъ о своемъ новомъ назначеніи, исключавшемъ подчиненіе, можетъ служить достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы предположить, что Спренгпортенъ, выражаясь по-современному, желалъ

явочнымъ порядкомъ заставить графа Буксгевдена раздѣлить съ нимъ власть главнокомандующаго...

Въ виду этихъ данныхъ, мы продолжаемъ оставаться при прежнемъ убѣжденіи, что *Спренгпортенъ никогда въ санъ «эксперта», совѣтника, руководителя и т. п. не возводился*, а былъ подчиненнымъ главнокомандующаго, котораго онъ, однако, эксплуатировалъ для честолюбиваго возвеличенія своихъ «квалитетовъ», какое «лакомство», по выраженію Великаго Царя Петра, неминуемо повело въ тому, что *«многие интересы государственные черезъ сіе зло потеряны были»*...

Въ связи съ повѣствованіями историковъ объ «экспертѣ» Спренгпортенѣ, находятся рассказы о мирныхъ средствахъ «вліянія на умы» населенія, между прочимъ, и о томъ, что особенное вниманіе желали обратить на воздѣйствіе на мѣстное духовенство, которое, за «стараніе соблюдать тишину и спокойствіе между жителями при появленіи русскихъ войскъ» и за «приниманіе ихъ дружественнымъ образомъ», могло надѣяться на награжденіе орденомъ св. Анны 2-й степени.

Впервые объ этомъ серьезно заговорилъ нашъ историографъ А. И. Михайловскій-Данилевскій, включившій врученіе графу Буксгевдену пяти знаковъ этого ордена съ правомъ раздавать ихъ пасторамъ отъ Высочайшаго Имени,—почему то въ число *«хозяйственныхъ распоряженій»* (см. описаніе Финляндской войны 1808—1809 гг., стр. 10 и 14).

Послѣдующіе историки, неизмѣнно повторяя подобное историческое указаніе, съ теченіемъ времени хотя и изъяли его изъ числа хозяйственныхъ распоряженій, но все таки и до настоящаго времени продолжаютъ сохранять за нимъ прежнее значеніе.

Казалось бы, что къ 100-лѣтнему юбилею войны не мѣшало бы подвести благіе результаты этой мѣры и, раскрывъ инкогнито пасторовъ, внести на страницы исторіи ихъ заслуги, удостоивши такой награды. Однако, имена пасторовъ такъ и остаются неизвѣстными.

Случайно намъ пришлось удостовѣриться, что всякія попытки въ этомъ направленіи будутъ тщетны, потому что такіе заслуженные пасторы, вѣроятно, не были извѣстны и самому графу Буксгевдену...

Въ декабрѣ 1808 г. графъ Аракчеевъ, вспомнивъ о посланныхъ графу Буксгевдену пяти знакахъ ордена св. Анны 2-го класса, потребовалъ справку. По справкѣ оказалось, что ордена были «истре-

бованы изъ капитала 29-го января 1808 г., а 30-го января посланы при Высочайшемъ рескриптѣ главнокомандующему, причемъ никакихъ другихъ свѣдѣній розыскать по дѣламъ не могли. Графъ Аракчеевъ доложилъ обо всемъ Императору Александру I, при этомъ воспослѣдовала краткая резолюція: *«требовать назадъ»* (арх. канц. военн. мин., секр. отд. 1808 г. дѣло № 2/78, л. 203).

25-го декабря 1808 г. графъ Аракчеевъ отправилъ графу Буксгевдену отношеніе, которымъ напоминалъ о выдачѣ пяти знаковъ ордена, сообщая и слѣдующее:

«Государь Императоръ, не получая донесеній Вашихъ, чтобы эти знаки даны кому либо были, Высочайше повелѣть соизволилъ потребовать оные обратно. Вслѣдствіе чего, прошу покорно приказать знаки сіи прислать ко мнѣ (тамъ-же, л. 204)»...

Къ сожалѣнію, слѣда дальнѣйшаго направленія дѣла о раздачѣ названныхъ орденовъ пока найти не удалось. Тѣмъ не менѣе мы все таки считаемъ, что слѣдовало бы признать, даже и на основаніи приведенныхъ данныхъ, что графу Буксгевдену, вѣроятно, не пришлось жаловать пасторамъ орденовъ, награжденіе которыми могло имѣть лишь въ началѣ «предпріятія къ движенію» нѣкоторое значеніе. Въ виду этого, мы полагаемъ, что историки безъ ущерба для истины могли бы занести на страницы исторіи необходимую оговорку, разъясняющую дѣйствительный смыслъ предположенія о магическомъ воздѣйствіи орденовъ, а не выдавать предположеніе за совершившійся фактъ...

Затѣмъ, къ числу вопросовъ, которые должны были бы получить исполнѣнноту отдѣлку хотя бы къ 100-лѣтнему юбилею войны 1808—1809 гг., принадлежатъ вопросы, относящіеся до устройства вооруженныхъ силъ, причемъ особенно важное значеніе приобрѣтала, конечно, разработка *о русскихъ вооруженныхъ силахъ*, потому что точныя свѣдѣнія о послѣднихъ до сихъ поръ являются достояніемъ архивовъ. Новѣйшимъ изслѣдователямъ Русско-Шведской войны былъ предоставленъ широкій просторъ разобратъ и сказать свое слово на пользу военной исторіи. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи русскіе историки недалеко ушли отъ тѣхъ *семь страницъ* Михайловаго-Данилевскаго (см. описаніе Финляндской войны, стр. 7—14), которыми довольствовались долгое время, а шведскіе историки все таки попытались расширить эти предѣлы, почему и наплли возможнымъ въ своей юбилейной исторіи русской арміи и флоту удѣлить цѣлыхъ *19-ть страницъ*, а оборонительнымъ средствамъ Швеціи *до 300 страницъ* (см.

Шведскую войну 1808—1809 гг., ч. II, стр. 19—37 и ч. I, стр. 71—288 и прил.).

Конечно, такое своеобразное отношение къ интересному для русской военной исторіи вопросу завершилось только тѣмъ, что оно случайно не замолчали, а признали возможнымъ, «не считая необходимымъ подробно распространяться», дать лишь краткія свѣдѣнія о нашей арміи. Краткость свѣдѣній, однако, не избавила ихъ отъ недочетовъ «великаго пространства», что и подтвердимъ для доказательства правильности высказанныхъ нами соображеній.

Заявленіе одного изъ нашихъ изслѣдователей о томъ, что «общая численность нашей регулярной арміи (по даннымъ Штейна) достигала въ то время (какое же именно?) 400 тыс., а съ мѣстными, милиціонными (?) и иррегулярными войсками—свыше 800 тыс. чел.»,—представляетъ силовное недоразумѣніе, увеличивающееся отсутствіемъ указанія точной даты времени, а также болѣе точной ссылки на г. Штейна. Шведскіе историки, въ перечнѣ источниковъ хоть признались, что руководствовались трудомъ F. von Stein «Geschichte des Russischen Heeres vom Ursprunge desselben bis zur Thronbesteigung des Kaisers Nikolai I Pawlowitsch», изданнымъ въ 1885 г., но г. П. А. Нивѣ имѣлъ полное основаніе упрекнуть ихъ въ томъ, что они не знаютъ, что съ 1895 г. существуетъ «neue wohlfeile Ausgabe» того-же труда г. Штейна. Но неизвестнымъ причинамъ шведскіе историки такого упрека не услышали.

Помимо пользованія устарѣлымъ изданіемъ труда г. Штейна, нельзя не обратить вниманіе на то, что современные изслѣдователи, видимо, избѣгаютъ русскихъ авторовъ, которые въ цѣломъ рядѣ новѣйшихъ изслѣдованій, входящихъ въ многотомное изданіе редакціи очерковъ «100-лѣтія военнаго министерства», дали по архивнымъ источникамъ не мало полезныхъ свѣдѣній, имѣющихъ отношеніе и къ Русско-Шведской войнѣ 1808—1809 гг.

По вопросу о численномъ составѣ нашей арміи, напримѣръ, въ «Историческомъ очеркѣ организаціи, расквартированія и передвиженія войскъ» имѣются (см. приложение № 13) самыя подробныя и точныя данныя съ 1 января 1803 г. по 1 января 1808 г., а именно:

1) списочный (есть и штатный) составъ гвардіи былъ:

	Генер.	Шт. и об.-офиц.	Нижн. чин.	Недост. нижн. чиновъ.
Къ 1803 г.	?	435	10,123	522
„ 1804 „	18	434	10,448	765
„ 1805 „	18	462	11,002	500
„ 1806 „	15	462	11,985	81
„ 1807 „	16	484	12,063	1,243
„ 1808 „	19	554	13,860	1,941

2) списочный (есть и штатный) составъ полевыхъ войскъ (безъ гвардіи) былъ:

	Генер.	Шт. и об.-офиц.	Нижн. чин.	Недост. нижн. чиновъ.
Къ 1803 г.	?	11,363	265,332	47,022
„ 1804 „	354	11,756	290,998	50,629
„ 1805 „	357	12,090	328,840	20,498
„ 1806 „	336	12,439	326,762	76,046
„ 1807 „	333	13,872	364,335	111,435
„ 1808 „	361	14,488	430,052	52,090

3) списочный составъ всѣхъ войскъ регулярныхъ и иррегулярныхъ былъ:

	Генер.	Штабъ и об.-офицер.	Нижн. чин.
Къ 1803 г.	?	14,050	419,598
„ 1804 „	389	15,794	456,192
„ 1805 „	388	16,168	497,097
„ 1806 „	364	16,582	492,468
„ 1807 „	363	17,941	536,214
„ 1808 „	395	18,755	614,495

Если же мы примемъ во вниманіе и милицію (имѣется *печатный отчетъ 1809 г.*), которой первоначально намъ тоже собрать 612,000 чел. (манифестъ 30-го ноября 1806 г.), а затѣмъ рѣшили «приготовить къ движенію одну третью часть» (арх. канц. воен. мин. 1807 г. дѣло № 36/82, Высоч. рескр. 9-го марта 1807 г.) или 201,075 чел., при чемъ пѣ дѣйствительности собрали *лишь 200,374 чел.* (см. отчетъ 1809 г.), то получимъ цифру, подходящую къ «Штейновскимъ» 800,000 чел.

Однако, не слѣдуетъ забывать, что собранныя ратники 200,374 ч. въ сентябрѣ 1807 г. прекратили свое существованіе, при чемъ 168,453 чел. (84%) были распределены на укомплектованіе по полкамъ, а прочіе частью были взяты помѣщиками обратно, а частью поумирали (до 2%) или бѣжали (лишь 0,26%). По этой причинѣ присчитывать милицію къ численности арміи не приходится.

Въ общемъ, мы видимъ, что въ разсужденіяхъ о численности нашей арміи по «даннымъ Штейна» произошла ошибка почти на 200,000 чел. въ сторону умноженія.

Не считая нужнымъ разбирать прочія цифровыя ошибки (напримѣръ о гвардіи въ 35,000 чел. и др.), частью отмѣченныя въ предыдущихъ статьяхъ, мы находимъ лишнимъ опровергать и подсчеты «максимума тѣхъ силъ, которыя могли бы быть выставлены

противъ Швеціи», потому что таковыя къ исторіи войны 1808—1809 гг. не относятся, т. к. именно эта война, какъ было нами выяснено въ цѣломъ рядѣ статей, имѣеть чрезвычайный отпечатокъ (переходъ демонстративнаго «предпріятія къ движенію» въ войну) и для оцѣнки ея нормальный масштаб не пригоденъ.

Далѣе, въ вопросѣ объ укомплектованіи арміи встрѣчаются также неточности, а именно:

1) категорическое утвержденіе, что «не были пополнены потери предыдущихъ войнъ», а изъ приведенной нами выше таблицы оказывается, что въ 1808 г. некомплектъ былъ изъ скромныхъ (до 10%) и нѣсколько превышавшій обычный (напримѣръ 1803 и 1804 гг.);

2) г. П. А. Нивѣ, пытаясь обобщить комплектованіе войскъ у насъ, дѣлаетъ намеки объ упрядоченіи рекрутскихъ наборовъ; о тяжести повинности и т. д., а между тѣмъ съ 1902 г. существуетъ спеціальнй историческій очеркъ «комплектованія войскъ въ царствованіе Императора Александра I» (В. В. Щенетильникова), гдѣ осповательно указаны соответствующія данныя и сдѣлано предостереженіе относительно значенія милиціи, объ укомплектованіи которою мы уже говорили;

3) заявленіе о томъ, что «большинство нашихъ офицеровъ уже тогда (?) проходили курсъ кадетскихъ корпусовъ», а между тѣмъ оказывается, что наши корпуса (Пажескій, 1-й, 2-й и Смоленскій) и другія учебныя заведенія (Дворянскій полкъ и Военно-Сиротскій домъ) не въ состояніи были обслуживать свыше 15 тыс. корпусъ офицеровъ, такъ какъ общіе выпуски (см. П. В. Петровъ «Военно-учебныя заведенія» приложение) по численности были всего:

Въ 1801 г.	79 чел.
„ 1802 г.	228 „
„ 1803 г.	88 „
„ 1804 г.	95 „
„ 1805 г.	270 „
„ 1906 г.	387 „
„ 1807 г.	838 (изъ Дворянскаго полка 289) чел.

Такимъ образомъ, и по части укомплектованія встрѣчаются недоразумѣнія, которыя устраняются простою справкою по очеркамъ изданія 100-лѣтія военнаго министерства...

Оцѣнивая качества русскаго солдата, г. П. А. Нивѣ почему то находитъ достаточнымъ повторить за шведскими историками слова

какого то безымяннаго «нѣкоего писателя того времени», словно забывая, что аттестаты этого рода выдавались въ то время Наполеономъ, который по Аустерлицу, Прейсишъ-Эйлау и Фридриханду близко зналъ, что русская армія стойко бьется и при потеряхъ въ 33%—27,7%—21,1% и что русскаго солдата мало убить, а надо и повалить. Не даромъ же даже и за несчастливый Аустерлицъ Наполеонъ выдалъ аттестатъ, что *въ этомъ сраженіи русская армія оказала такую доблесть, что побѣдили бы и подъ Бородинымъ*, а въ этой битвѣ, какъ извѣстно, французская армія, мпвившая себя побѣдительницею, жестоко «расшиблась о русскую»... Вообще, намъ какъ то странно было примѣчать послушное слѣдованіе по стопамъ шведскихъ историковъ и въ этомъ вопросѣ, который менѣе всего желательно представлять въ шведскомъ освѣщеніи.

Шведскій источникъ (добавимъ т. с. тенденціозная юбилейная исторія), заявляетъ г. П. А. Нивѣ, *ставитъ нашего солдата весьма высоко...* въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Наиболѣе выдающимися качествами русскаго солдата являются *стойкость и презрѣніе къ смерти*. На службѣ господствовала строжайшая *дисциплина*... (шведскіе историки многозначно поясняютъ такъ: «и прежде всего въ службѣ, чтобы солдатъ не могъ нанести кому либо вреда»)... *Низкій уровень образованія* восполнялся высокимъ моральнымъ духомъ арміи; съ другой стороны русскій солдатъ отличался *жестокостію* (?) и имѣлъ *весьма скудныя потребности*. Многіе изъ нихъ приобрѣли боевой опытъ»... Таково высокое мнѣніе о русскомъ солдатѣ у шведовъ, попавшее и на страницы русской исторіи.

Нѣсколько иначе смотритъ на русскаго солдата той эпохи, напримѣръ, прослужившій полковъ, въ томъ числѣ въ нижнемъ званіи около 12-ти лѣтъ, извѣстный «русскій инвалидъ» И. П. Соболевъ, который въ своихъ «бесѣдахъ, перепискѣ и разсказахъ» не только указываетъ, что «разстояніе солдата отъ его сердца—не далѣе рубахи», но и утверждаетъ слѣдующее: «кто служилъ въ рядахъ, тотъ знаетъ, *русскій солдатъ — это образцовое, славное созданіе*... При неослабной страсти къ дѣлу службы, при пылкомъ взорѣ на нравственность и поведеніе *не мнните только указывать ему путь къ чести, знакомить его съ благороднымъ ощущеніемъ славы*... Русскій солдатъ молчитъ, но знаетъ цѣну своему дѣлу... Въ пылу боя, со штыкомъ въ рукахъ, русскій солдатъ не всегда гнѣзень: при схваткѣ ухарской, зубъ къ зубу, безпардонной инос мѣсто смертоносному въ потѣшку, злодѣйски, варварски, бы-

вало хватить въ разрѣзъ и павылетъ, чрезъ всю натуру окаяннаго басурмана, да такъ, что подчасъ и у самого въ глазахъ потемнѣетъ... За то въ мирѣ нашъ братъ солдатъ *мненокъ*; за жизнь ближняго онъ не пожалѣетъ крови, а за храбраго, благороднаго и справедливого начальника всю жизнь отдастъ... ни за что не уступитъ ему перваго мѣста къ смерти. *Драгитная преданность къ родному Государю, пламенная любовь къ отечеству, присяга и честь* формируютъ и утверждаютъ солдата быть по совѣсти готовымъ и къ священнымъ обязанностямъ службы, и къ соединенію съ Творцомъ Всемогущимъ Богомъ... «Война!» прокомандуетъ Царь... и заблещетъ роковое оружіе, раздадутся пѣсни побѣдныя, богатырскія, и полетятъ въ поле чести орлы и орлята... Я люблю вѣкъ моей молодости, помню хорошее, но признаюсь не помню ничего лучше русскихъ солдатъ».

Если И. Н. Скобелевъ, съ гордостью говорившій: «Я—русскій и счастливае быть не хочу»... такъ отзывался о русскомъ солдатѣ, то не унижалъ онъ и шведовъ, которыхъ называлъ «молодцами», и конечно, раздѣлялъ взглядъ Кюльнева, заявившаго послѣ первой «мастерской продѣлки»: «*Шведы дерутся славно!* Но тѣмъ славное для насъ побѣждать ихъ. Они—молодцы, да и въ нашихъ жилахъ течетъ кровь памятныхъ шведамъ Полтавскихъ чудо-богатырей»!..

Далѣе, къ числу весьма серьезныхъ ошибокъ относительно организаціи нашей арміи нельзя не отнести и утверженіе о слѣдующемъ:

«*Послѣ войны (?) 1806 г. у насъ образованы были* высшія тактическія единицы—*дивизіи*, состоявшія изъ 6—7 полковъ пѣхоты, 3 кавалерійскихъ и 2 казачьихъ полковъ, артилерійской бригады. Численность такой дивизіи доходила до 13,000 чел., но она являлась неудобноуправляемой, такъ какъ начальнику ея приходилось имѣть дѣло чуть не съ 12-ю *независимыми (?)* другъ отъ друга единицами. Къ концу 1807 г. было 22 такихъ дивизіи, хотя, раньше противъ турокъ и французовъ появлялись корпуса и даже арміи».

Въ виду того, что въ приведенной цитатѣ цѣлый рядъ ошибокъ то мы сведемъ поправки въ слѣдующій перечень:

1) *Дата учрежденія дивизій безусловно не вѣрна*,—дивизіи были учреждены не «*послѣ войны 1806 г.*», а тотчасъ же послѣ

кампаніи 1805 г., что подтверждается, напримѣръ, слѣдующимъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ 5-го февраля 1806 г. на имя ген.-отъ-инф. Голеницева-Кутузова: «По случаю возвращенія войскъ въ границы наши, *нахожу Я полезнымъ*, какъ для порядка службы, такъ и для готовности арміи къ движенію, *устроить изъ состоящихъ нынѣ арміи и корпусовъ—12-тъ дивизій*» (см. арх. канц. воен. мин. секр. отд. 1806 г. дѣло № 4. отнош. графа Ливена отъ 9-го февраля 1806 г. съ прилож. копій указа).

2) По Высочайше утвержденному росписанію арміи на дивизіи, въ составъ послѣднихъ были включены не только пѣхота, кавалерія и артилерія, но и *пионерныя роты*, которыя были приданы къ 9-ти дивизіямъ (см. росписаніе въ томъ же дѣлѣ № 4).

3) *Численность дивизіи и близко не подходила къ указаннымъ 13,000 чел.*, а выражалась болѣе внушительною цифрою въ 20,000—22,000 чел., что не трудно проверить, произведя подсчетъ хотя бы и по штатамъ.

4) *О 12-ти независимыхъ начальникахъ въ дивизіи не можетъ быть и рѣчи*, такъ какъ пѣхота сводилась въ три бригады, кавалерія въ одну бригаду, артилерія была въ вѣдѣніи старшаго артилерійскаго начальника, а казачьи полки лишь числились въ дивизіи (см. росписаніе въ томъ-же дѣлѣ № 4).

5) Вопросъ объ удобоуправляемости дивизіи былъ разрѣшенъ окончательно 4-го іюня 1806 г. изданіемъ особыхъ «правилъ на предметъ образованія и порядка службы въ дивизіяхъ» (см. I. Полн. Собр. Зак. т. XXIX № 22. 161), а 5-го іюня 1806 г. были введены и артилерійскія бригады, причѣмъ первое росписаніе ихъ было Высочайше утверждено 23-го августа (см. въ арх. канц. воен. мин. секр. отд. 1806 г. дѣло № 7, рапортъ графа Аракчева са № 2.099 и росписаніе).

6) Въ 1806 г. былъ даже предусмотрѣнъ вопросъ *объ удобоуправляемости дивизіями*, такъ какъ замѣчено было «*соединять подъ одно начальство тѣ дивизіи*, которыя по расположенію своему въ военномъ отношеніи *долженствуютъ составлять особые корпуса*» (см. ссылку выше въ п. 1), которыхъ было пять, причѣмъ два корпуса были подчинены «командующему генералу»—ген.-отъ-кав. Михельсону (см. въ томъ же дѣлѣ № 4 рапортъ ген.-плч. арміи отъ 9-го апрѣля 1806 г. за № 781).

7) Указаніе, что *и раньше появлялись корпуса и даже арміи* конечно, относительно вѣрно, но слѣдовало бы еще добавить, что

то были въ полномъ смыслѣ слова *импровизированныя* соединенія, образованныя изъ отдѣльныхъ полковъ, ротъ, и болѣе мелкихъ частей, распределенныхъ подъ команду временныхъ и случайныхъ начальниковъ, а также и подчеркнуть, что кровавый опытъ подъ Аустерлицемъ въ полной мѣрѣ, до очевидности, доказалъ гибельныя послѣдствія подобной организаціи и неотложную необходимость ввести *постоянную*.

А. М. Борисевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

З.Б.